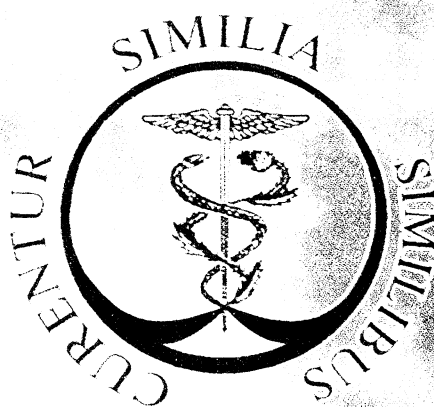

УКРАЇНСЬКИЙ ГОМЕОПАТИЧНИЙ ЩОРІЧНИК

ТОМ X (2007)

Одеса-2007

НАУКОВО-МЕДИЧНЕ ГОМЕОПАТИЧНЕ ТОВАРИСТВО ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ
НАУЧНО-МЕДИЦИНСКОЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ
ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ МЕДИЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВАТ «ФАРМАЦІЯ» • ОАО «ФАРМАЦИЯ»

УКРАЇНСЬКИЙ ГОМЕОПАТИЧНИЙ ЩОРІЧНИК

УКРАИНСКИЙ ГОМЕОПАТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ТОМ X
(2007)

„Сучасне становище клінічної гомеопатії та гомеопатичної фармації”

ОДЕСА
«АСТРОПРИНТ»
2007

Друкується за спільним рішенням Науково-медичного гомеопатичного Товариства Одеської області, Вченої ради Одеського державного медичного університету, ВАТ «Фармація»

Печатается по решению Научно-медицинского гомеопатического Общества Одесской области, Ученого совета Одесского государственного медицинского университета, ОАО «Фармация»

ГОЛОВНИЙ РЕДАКТОР

к.м.н. О.П. ІВАНІВ

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

проф. Н.В. Башмакова (Одеса)
к.м.н. І.О. Борзенко (Київ)
к.м.н. І.Ф. А. Варда (Білорусь)
проф. А.І. Гоженко (Одеса)
к.м.н. Л.П. Гуцол (Вінниця) –
заст. гол. редактора
Акад. АМН В.М. Запорожан (Одеса)
д.м.н. І.Я. Ёкста (Рига, Латвія)
к.м.н. Н.Б. Коваленко (Одеса)
к.м.н. Г.П. Колесова (Одеса)
д.фарм.н. О.О. Корвякова (Росія)
проф. Н.Є. Костинська (Київ)
проф. О. Коток (Єрусалим, Ізраїль)
Акад. В.Й. Кресюн (Одеса)
к.м.н. О.П. Мошич (Київ)
к.м.н. С.П. Песоніна (Росія)
Засл. лікар Укр. Т.Д. Попова (Київ)
к.м.н. Н.К. Симеонова (Київ)
проф. В.М. Юрлов (Одеса)

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Г.Д. Баликова (Одеса, Україна)
В.Ж. Біхунова (Київ, Україна)
к.м.н. З.М. Дергачова (Київ, Україна)
к.м.н. А.І. Завадська (Москва, Росія)
Д-р мед. Ж. Імберехтс (Брюссель, Бельгія)
Д-р мед. Г. Лукас (Атени, Греція)
Л.Є. Лур'є (Москва, Росія)
М.Ю. Ляхович (Москва, Росія)
к.м.н. І.В. Тимошенко (Москва, Росія)
О.А. Фатула (Москва, Росія)
О.Ф. Фінберг (Київ, Україна)
к.м.н. Л.П. Чорноброва (Одеса, Україна)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к.м.н. А.П. ИВАНІВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

проф. Н.В. Башмакова (Одесса)
к.м.н. И.А. Борзенко (Киев)
к.м.н. И.Ф. А. Варда (Беларусь)
проф. А.И. Гоженко (Одесса)
к.м.н. Л.П. Гуцол (Винница) –
зам. гл. редактора
д.м.н. И.Я. Ёкста (Рига, Латвия)
Акад. АМН В.Н. Запорожан (Одесса)
к.м.н. Н.Б. Коваленко (Одесса)
к.м.н. Г.П. Колесова (Одесса)
д.фарм.н. О.А. Корвякова (Россия)
проф. Н.Е. Костинская (Киев)
проф. А. Коток (Иерусалим, Израиль)
Акад. В.Й. Кресюн (Одесса)
к.м.н. А.П. Мошич (Киев)
к.м.н. С.П. Песонина (Россия)
Засл. врач Укр. Т.Д. Попова (Киев)
к.м.н. Н.К. Симеонова (Киев)
проф. В.М. Юрлов (Одесса)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Г.Д. Балькова (Одесса, Украина)
В.Ж. Бихунова (Киев, Украина)
к.м.н. З.Н. Дергачова (Киев, Украина)
к.м.н. А.И. Завадская (Москва, Россия)
Д-р мед. Ж. Имберехтс (Брюссель, Бельгия)
Д-р мед. Г. Лукас (Афины, Греция)
Л.Е. Лур'є (Москва, Россия)
М.Ю. Ляхович (Москва, Россия)
к.м.н. И.В. Тимошенко (Москва, Россия)
О.А. Фатула (Москва, Россия)
Е.Ф. Финберг (Киев, Украина)
к.м.н. Л.П. Черноброва (Одесса, Украина)

Ляхович М.Ю. <i>О лояльности в гомеопатии</i>	4	
ТЕОРИЯ ТА ФІЛОСОФІЯ ГОМЕОПАТІЇ • ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ГОМЕОПАТИИ		
Фортъе-Берновиль М. <i>Сикоз</i>	7	
Борзенко И.А. <i>Плацебо в гомеопатии или гомеопатия – плацебо?</i>	20	
Шмидт Дж. <i>Забытый аспект теории Ганемана – отношения между медициной, философией и этикой</i>	23	
ПИТАННЯ ВИКЛАДАННЯ МЕТОДУ • ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕТОДА		
Анастасиенко В.Н., Анастасиенко В.В. <i>Великая помощница (сотрудница) врача-гомеопата – КОЖА</i>	30	
Белобловский В.И. <i>К вопросам о методологии в гомеопатии</i>	34	
Гутьеррес А.Р.О. <i>Воздействие гомеопатии на улучшение здоровья человека с точки зрения науки, психологии и философии</i>	38	
Ксютинская Н.Е. <i>Гомеопатические симптомы как маркеры духовных страданий</i>	50	
ОРГАНІЗАЦІЙНО-МЕТОДИЧНІ ТА ІСТОРИЧНІ ПИТАННЯ ГОМЕОПАТІЇ • ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОМЕОПАТИИ		
<i>Из переписки Dr. Aegidi с другом и коллегой Dr. Bruno Gisevius, опубликованной в «Homöop. Zeitschrift» в Берлине (1911, том 2, стр. 75).</i> Перевод Н.В. Архангельской.	54	
Мошнич А.П., Туманов В.А. <i>Гомеопатия и государственная система здравоохранения (обзор некоторых международных основополагающих аспектов взаимоотношений)</i>	56	
РОДИННА МЕДИЦИНА • СЕМЕЙНАЯ МЕДИЦИНА		
Иванив А.П. <i>Гомеопатическая терапия для лиц с сексуальными дисфункциями</i>	62	
Циммерман С. <i>Наследственность вакциноза</i>	65	
ГОМЕОПАТІЯ ТА ЕКОЛОГІЯ • ГОМЕОПАТИЯ И ЭКОЛОГИЯ		
Бюель Н.С., Урбанский А.П. <i>Алюминий - «серебро из глины»</i>	70	
Голосюк Д.И. <i>К вопросу о хроническом свинцовом миазме</i>	75	
ЛИСТАЯ СТАРІЕ СТРАНИЦЫ • ПЕРЕГОРТАЮЧИ СТАРІ СТОРІНКИ		
Вакил П. <i>«Язык, который не лжёт»</i>	80	
ЕКСПЕРИМЕНТАЛЬНІ ДОСЛІДЖЕННЯ-ЕКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
Гусев С.Н., Страшинская В.П. <i>Исследование терапевтической эффективности гомеопатического препарата «Меркурид» с точки зрения доказательной медицины</i>	119	
Комисаренко А.А. <i>Механизмы гомеопатического воздействия</i>	123	
Финберг Е.Ф. <i>Метаболический синдром и его гомеопатическое лечение. ЧАСТЬ II</i>	127	
ОБГОВОРЕННЯ • ОБСУЖДЕНИЕ		
Гуцол Л.П., Гуцол Н.С., Цымбал И.П. <i>Классическая гомеопатия как психосоматическая медицина</i>	139	
Сергеева И.Д., Ильин В.Л. <i>«Гомеопатическое танго»</i>	142	
ВИПАДКИ З ПРАКТИКИ • СЛУЧАИ ИЗ ПРАКТИКИ		
А. Варда И.Ф. <i>Гомеопатия, как философия и искусство врачевания</i>	146	
Калиниченко А.А., Зеленин Ю.В. <i>Опыт харьковских гомеопатов</i>	149	
Тарасюк В. А. <i>Несколько слов о Слове и Tuberculinum</i>	153	
ФОРУМ		
Тарасюк В. А. <i>По следам записок В.В. Вересаева</i>	155	
MATERIA MEDICA		
Бёрике В., Бёрике О. <i>Индийские лекарства</i>	162	
<i>Лантанойды в представлении Яна Схолтена (авторизованный перевод О.А. Фатулы и Л.А. Анисеева)</i>	175	
КОМПЛЕМЕНТАРНА МЕДИЦИНА • КОМПЛЕМЕНТАРНАЯ МЕДИЦИНА		
Долиннина Л.Ю. <i>Концепция клинического подхода к лечению аллергических заболеваний гомеопатическими средствами</i>	180	
Кульпинский Е.Н. <i>Биотерапевтические гомеопатизированные препараты в лечении атопического дерматита</i>	184	
ГОМЕОПАТИЧНА ФАРМАЦІЯ • ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ ФАРМАЦИЯ		
Коваленко Н.Б., Иванив А.П., Багинская Т.С. <i>Гомеопатическая фармация: история, современность и вопросы взаимодействия производителей динамизированных средств с коллегами-гомеопатами</i>	187	
РЕЦЕНЗІЇ • РЕЦЕНЗИИ		
<i>Гомеопатические лечебники или «Семейная гомеопатия» на русском. Рецензия на недавние книги. А. Коток</i>	195	
<i>Попов А.В. Гомеопатия в эндокринологии. Клинические лекции. – М.: Гомеопатическая Медицина, 2004. – 312 с. Рецензия Л.Е. Шендерук</i>	201	
ВЕТЕРИНАРНА ГОМЕОПАТІЯ • ВЕТЕРИНАРНАЯ ГОМЕОПАТИЯ		
Новосадюк Т.В. <i>Новое научное направление в ветеринарной гомеопатии</i>	202	
ЗМІСТ ЩОРІЧНИКА ■ СОДЕРЖАНИЕ ЕЖЕГОДНИКА (2007)		206
ІНФОРМАЦІЯ ДЛЯ АВТОРІВ ■ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ■ INSTRUCTIONS FOR AUTHORS		207

ЗАБЫТЫЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ ГАНЕМАНА – ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МЕДИЦИНОЙ, ФИЛОСОФИЕЙ И ЭТИКОЙ

Джозеф М. Шмидт
Германия, г. Мюнхен

ВВЕДЕНИЕ

Двести лет назад (1807) Сэмюэль Ганеман придумал термин «гомеопатический» для своего нового метода рациональной терапии, которую он предложил своим коллегам-медикам. Так гомеопатия стала самостоятельной сущностью, отличной от любого другого понятия медицины, и определялась характерными основными принципами. В продолжение, «новая школа» медицины проделала внушительный путь сквозь историю до настоящего времени, извлекая выгоду и преобразовывая всё увеличивающуюся часть врачей и пациентов всех континентов и большого количества стран, во всём мире. Это распространение по земному шару, однако, происходило при самых различных региональных и культурных условиях. Вызванная различными способами приёма, с самого начала появилась запутанность в принципе, которую никогда в истории гомеопатии не смогли полностью разрешить. Начиная с первой большой ссоры между Ганеманом и некоторыми из его сторонников (Moritz Mueller, Traugott Kretzschmar и другие) о пределах принципа подобия (в 1830-х), ясное и длительное согласие в гомеопатическом сообществе не было достигнуто относительно того, что является действительно хорошим или верным в гомеопатии. Несмотря на общее соглашение по Органону Ганемана, как высшему справочнику по гомеопатии, разнообразие его интерпретаций современными гомеопатами чрезвычайно велико. Хотя некоторые основные цитаты могут быть найдены почти у любого автора и преподавателя, со времени Ганемана лицо гомеопатии изменялось из поколения в поколение. Быстрая последовательность новых подходов за прошлые десятилетия, последнее состояние обсуждений о том, как нужно рассматривать гомеопатию сегодня, не может быть больше проверено в традиционных учебниках, а только в недавно изданных статьях или в Интернете (например, на вебсайте "www.grundlagen-praxis.de", под рубрикой «дебаты о гомеопатии»).

В исторической перспективе, любое изменение парадигмы в гомеопатии происходит в тесном взаимодействии с параллельными изменениями социальных, научных и религиозных условий. В постсовременной плюралистической цивилизации XXI столетия, например, кажется совершенно подходящим использовать понятия квантовой физики или теории хаоса, как модели для объяснения гомеопатии: применять компьютерный репертурий и видеонаблюдение как инструменты для практики и образования, и обратиться к понятиям психоанализа или вторичной эзотерики, как средств для того, чтобы понять таинственное течение болезни. Таким образом, любое поколение обнаруживает и определяет что-то как сущность гомеопатии, больше говоря о менталитете и ценностях соответствующей эпохи, чем о том, что имел в виду Ганеман, когда он разрабатывал гомеопатию как рациональную и полезную терапию. Когда во время распространённого индивидуализма каждый полагает, что гомеопатия – это то, что он или она делает и любит больше всего, стоит ли привлечь снова внимание к тому, что Ганеман действительно хотел - чтобы полностью не потерять контакт с исторической действительностью.

Мир Ганемана

Места, где работал Ганеман, можно определить географически. От времени, однако, в котором он жил, мы отделены не только двумя столетиями по линейной оси времени (которая обычно представляется как линия экономического, социального, научного и технологического прогресса), а, скорее, «мирами». Чтобы поставить себя на место Ганемана, нужно вычестить из нашего существующего знания все вехи и достижения современной медицины и, что более трудно, вернуться к установлению нашей современной системы так называемых Западных ценностей. Вопреки материализму, атеизму и гедонизму современных Западных обществ забавы и потребительства, ведущие идеи мира Ганемана ориентировались на высокое духовное и моральное призвание человека. Для Ганемана человек был самым благородным существом, и создан был для усовершенствования его или её эмоциональных, практических и умственных способностей, чтобы, делая это, найти счастье и отдать должное Создателю. К концу XVIII столетия подобные фразы не сильно отличались от большей части других культурных современников. Однако, из биографии Ганемана можно понять, что его акцент на стремлении к более высоким вещам не был только авантюристическим запудриванием мозгов, а, скорее, постоянным фактором, определявшим его жизнь и работу; его он придерживался с большой серьёзностью и значимостью. Этот сильный интерес к духовной и моральной жизни, очевидно, занимал первое

место в сознании и душе Ганемана. Следовательно, это, должно быть, был один из самых жизненных импульсов для основания и развития гомеопатии. Это кажущееся невинным утверждение сразу теряет свой анекдотический вид и получает силу взрыва, если Вы рассмотрите, при каких обстоятельствах сегодня люди пробуют установить и оправдывать гомеопатию. В те дни для образованного человека было всё ещё возможно выделить терапию (или даже новый вид науки, которая устанавливала себя) так, что она сочеталась с пользой, моралью и удовлетворяла жизни. С таким заявлением во времена просвещения, немецкого идеализма и романтизма, Вы находились в лучшей философской компании. Типичный вопрос представителей философской природы, таких, как Schelling, был: «Как должна природа, дух, вещество, органическое и неорганическое, и т.д., думать (создавать), для того, чтобы, с одной стороны, раскрывать отношение этих понятий и, с другой стороны, позволять человеку осознавать себя как моральное и духовное существо?». Отправной точкой, ясно и определённо, был интерес сознания и души в понятном и моральном мире. Целью или разыскиваемой целью была теория науки или (в случае Ганемана) основание рациональной терапии, структура которой была определена упомянутыми безвозвратными интересами.

Сегодня, кажется, всё как раз наоборот. Неизменно постоянным, кажется, будет:

- определение науки, которая доминирует на медицинских факультетах;
- тесная связь медицины с фармацевтической промышленностью;
- крепкие структуры медицинской профессии и страхования от болезней;
- стремления государства к снижению затрат на здравоохранение и т.д.

Это - структура сегодня. То, что ищут – это возможность жить, в пределах той структуры (довольно моральной и удовлетворённой жизнью), и находить нишу в системе, где гомеопатии, до некоторой степени, было предоставлено право на существование. Сегодня, кажется, стоит вопрос: «Что я должен сделать, как я должен практиковать, что я должен демонстрировать, чтобы быть признанным или, по крайней мере, быть допущенным существующими учреждениями?». Согласно этим социо-политическим обстоятельствам, гомеопаты, например, стремятся: доказать эффективность гомеопатических средств в сравнении с плацебо, в соответствии с фармакологическими стандартами; выделять с научной точки зрения вероятные гипотезы по эффективности ультрамолекулярных разведений; документировать сокращение стоимости при гомеопатическом лечении; определять границы гомеопатии, чтобы принять меры против судебных обвинений и т.д. Кажется, что борьба за адаптацию к истеблишменту и соответствию социо-политическим требованиям сегодня заняла тот же самый (высокий) статус во внутренней иерархии ценностей, который формально была поддержан желанием многих образованных людей создать хорошо организованный духовный мир. Сегодня, конечно, ожидают, что любой из тоскующих по удобному и легко рассматриваемому космосу (если ещё есть такие) уступит дорогу в случае конфликта. Некоторые примеры развития гомеопатии Ганемана могут проиллюстрировать эту тему.

Доктрина Ганемана

Сегодня, кажется, понятно, что неизлечимые болезни существуют. Тот, кому сказали, что она у него есть, уже потерпел неудачу, и не имеет больше шанса. Надежда на излечение бесполезна, глупа и наивна. В нынешнее время это представление, кажется, очевидно основывается на доказательстве, и проверено практикой. Ганеман, однако, в своё время был всё ещё способен утверждать теологически, что неизлечимые болезни не могут существовать! Поддерживать такое неверное утверждение, он сказал, будет богохульством! С той же самой уверенностью, что есть мудрый и добрый Бог, должно также быть средство от каждой болезни! Только доктор должен найти его в каждом отдельном случае. Столь силен был интерес Ганемана к миру, в котором он мог реализовать себя как морального и интеллектуального врача, что он (как сам выразился) «скорее откажется от всех медицинских систем, чем позволит этому богохульству случиться». Радикализм, с которым Ганеман разъяснил выполнимость принципа терапии до того, как он занялся дальнейшими деталями, указывает на крутой внутренний иерархизм его стремления к самосовершенствованию в пределах разумной и моральной задачи.

Даже семиотический подход Ганемана к испытаниям лекарств и сбору анамнеза, основан на той же аргументации. Современный, с научной точки зрения, образованный врач, может полностью признать, что после применения вещества в испытании препарата, у здорового человека возникают определённые симптомы, и что данный пациент имеет подобные признаки. Однако, он не сможет объяснить, когда его попросят понять, какова причина, почему вещество является лечебным средством для пациента. Даже гомеопаты попадали в болезненную дискус-

сию по этому пункту. Они пробуют найти научные причинные механизмы, в виде объяснения или гипотезы. Или пробуют обратиться к эмпиризму, клиническим исследованиям, которые, однако, обычно не удовлетворяют критиков. В конечном счете, гомеопаты также недовольны таким неудобством доказательств. С одной стороны, они применяют что-то фактически, - то, что, с другой стороны, они не в состоянии объяснить теоретически (ни себе, ни другим).

Ганеман, однако, имел другие внутренние предпочтения. Выше, чем желание искать объяснения его ежедневных случаев, был его стимул найти терапию, с которой возможно было изылечивать с (математической) точностью. В конце концов, для него это было предварительным условием медицинской практики, как морально, так и духовно. Если бы он не уяснил эту проблему раньше, то, скорее бы, занимался судебной медициной, химией, или писал. В этой критической точке опять Ганеман спорил теологически: так как от любви к Богу, из причины и следствия, следует, что надёжная терапия должна существовать, и так же часто, ни причины болезней, ни активные агенты лекарств не являются заметными, то это знание, очевидно, не нужно, чтобы вылечить болезни. Из упомянутого скорее следует, что возможно вылечить пациентов исключительно посредством заметного (то есть на основании симптомов пациентов и здоровых испытателей). Следовательно, болезни должны показать себя «тем, кто может видеть» в симптомах болезни, в то время как силы препаратов (доказанных веществ) должны сделать это в симптомах прувинга. Принимая эту логику, принцип подобия действительно, кажется, единственным возможным рациональным и надёжным принципом заживления. Для Ганемана его главной проблемой было решение этого, а дальнейшие детали были незначительными проблемами. В противоположность ситуации существующего дня, он, например, не имел никаких проблем с тем фактом, что термин «откровение» несовместим с терминологией современной, с научной точки зрения ориентированной медицины. Напоминая об этом, отметим, однако, что это не значит, что гомеопатия Ганемана была только отчаянным созданием странного эстета, и что сегодняшняя научная медицина схватывает любое подобие истинной действительности. Оба подхода, гомеопатический и научный, являются проектами благородных врачей, оба мотивированы, главным образом, благородными и щедрыми, но, отчасти, и корыстными намерениями. Оба возможны, как показывает история, и оба пока одинаково реальны. Ни один из них абсолютно неправ, и ни один - абсолютно прав. Ни тот, ни другой не одобрены, и их не практикуют только хорошие или плохие люди. Разница, скорее, будет в небольшом отличии, которое, действительно, имеет гигантские последствия. Это - различие в иерархии мотивов, которые приводят к учреждению определённой целебной системы.

Философские взгляды

Именно здесь, самое позднее, становится ясно, что понимание гомеопатии не только подразумевает медицинские и исторические, но также и философские взгляды. Только на философском уровне отражения можно исследовать, например, какая модель жизни (или модель терапии) работает, каковы смысл и стоимость, какая цена или какие отношения и цели являются подходящими для хорошей жизни и т.д. В основном, ни природа человека, ни смысл жизни, - это не нейтральные, независимые количества, которые могли когда-либо находиться без собственного взаимодействия, где-нибудь вне наблюдателя. Хотя, так как мы никогда не можем оказываться перед самими собой объективно, а, скорее, всегда стоим посреди нашей собственной конкретной жизни, то мы имеем свободу изменить, маленькими самопереключениями, всю нашу жизнь. В зависимости от того, что и как мы помещаем, какие идеи или идеологии в нашем иерархическом ряду, так мы и составляем себя, и тогда мы таковы, какие мы есть.

Однако, в царстве философии традиционно мнения разделены. Всё же, несмотря на зависимость от времени и места духовных движений, кажется, что во всех эпохах могут быть идентифицированы примерно две главных группы людей: более материалистичные и более идеалистичные. Соответственно, Платон говорил о *“gigantomachía peri tes ousías”* (огромная борьба за существование) среди тех, кто желает объяснить всё вверх дном или сверху-вниз соответственно. А Fichte заявил кратко: «Какую философию человек выбирает, зависит от того, какой он человек», - имея в виду основное различие между догматизмом и идеализмом. Следовательно, относительно основателя терапии, важно помнить о его внутренней стороне, а также о внешних условиях, при которых он жил и боролся. Так как философ может быть понят только тогда, когда воспринимают его основной вопрос, ключ к глубокому пониманию гомеопатии Ганемана мог бы стать пониманием его главной проблемы, которая может быть реконструирована (приблизительно) следующим образом: возможна ли такая терапия, когда, с одной сторо-

ны, позволяет вылечить, а, с другой, - позволяет врачу воспринимать себя как моральное и духовное существо?

Современная, ориентированная на науку медицина, однако, идёт от почти противоположной традиции. С XVII века преобладающим вопросом науки и промышленности был: как управлять природой наиболее естественно? В противоположность прежним эпохам, со времени Фрэнсиса Бэкона, учёные и инженеры пробовали вырвать у природы её тайны винтами и зажимами. Результаты, полученные таким способом, сказали больше о том, кто спрашивает, а не о том, кого спрашивают. Ганеман стоял в точке пересечения противоречивых тенденций. С одной стороны, он защищал (особенно в его ранний период) позитивизм науки, которая заставила его надеяться на подъём терапии и её статуса как «предположительного искусства» в разряд надёжной науки. С другой стороны, в его вере, в религии (даже в просвещённой естественной религии) всё ещё есть традиционная скромность относительно ограниченной возможности человеческого знания. В схоластике это звучит так: “Credo, ut intelligam” (я верю для того, чтобы обнаружить, - Ансельм Кентерберийский, 1033-1109). Как было указано, без его веры в мудрого и благотворительного Создателя, не была бы создана гомеопатия Ганемана, не было бы её дальнейшего развития. Он откровенно признавал, например, что не понимал удивительно длительные эффекты высоких потенций (30с). Хотя, где возможно, он «решался быть мудрым» (*aude sapere*), признание собственного невежества не было худшим случаем для него. Намного хуже была бы невозможность его принципа терапии, в которой он мог практиковать успешно и, в то же самое время, испытывать и воспринимать себя как моральное и духовное существо.

Взгляд Ганемана на человека

Как мы видим, гомеопатия включает философские аспекты, такие, как постоянные вопросы о значении и конце нашей жизни, или о возможных программах жизни. Следовательно, теми, кто отделён от духовного и ментального фона основателя гомеопатии, могут быть усвоены лишь отдельные «куски», части гомеопатии Ганемана. Как раз самые важные соединительные звенья или согласованные духовные связи отсутствовали бы! Терапия, которая, например, искусственным электромагнитным полем изменяет предполагаемые электромагнитные поля пациента, не была бы гомеопатией, как понимал её Ганеман, даже если оба поля подобны!

Гомеопатия Ганемана была основана с учётом определённой материализации человека, а не как материальн-биохимическая, молекулярно-биологическая, кибернетическая, квантово-механическая или другая редукционная система. Сегодня это - большая трудность, когда планируют интеграцию гомеопатии в научный аппарат. С другой стороны, это - также большой шанс вспомнить о том, что было утрачено в медицине в течение прошедших двух столетий. В космосе идей Ганемана человек всё ещё имел внутренний мир, который не считали простым сопутствующим потоком нейронов и клеток мозга, а последней инстанцией, которой люди дали важные привилегии, например, проектируя понятие жизни или рациональной терапии. Рациональность Ганемана никогда не означала логическое бесплодие, а, всегда, - включение перспективы этого внутреннего источника человеческой жизни. Он бы считал наиболее иррациональным - рассматривать человека как полностью объяснимого наукой.

Признание внутренней стороны и призвания человека, что для Ганемана было очевидным, сегодня действительно, кажется, более трудным, но не менее важным. Это - акт свободы, но не произвольный. Нужно признать только то, что имеет место, даже без этого или до этого. То есть, нужно помнить об определённой конституции человека, а не устанавливать её изначально (как в конструктивизме). Таким образом, это могло бы восстановить богатство его величия и способностей, которые оспаривает всё более торжествующий прогресс науки. Это не должно даже быть понято как акт доброты. Рассмотрение потенциальной опасности лекарства, основанной исключительно на данных современной науки, проявляющей себя в ятрогенных аллергиях, пагубных привычках, болезнях и смерти, пересмотр или расширение строгого научного представления о человеке, сегодня также стали экологической задачей первого порядка.

HAHNEMANN'S FORGOTTEN DIMENSION – THE RELATION BETWEEN MEDICINE, PHILOSOPHY, AND ETHICS

Josef M. Schmidt
ALEMANIA

During the last 200 years, the social, scientific, and religious framework in which homeopathy has been taught and practiced has tremendously changed. Accordingly, numerous efforts have been made to establish and advocate modern opportune forms of homeopathy. In order not to be misled by the prevailing pluralism of contemporary schools and trends, as a standard of reference for assessing new concepts, Hahnemann's original idea and attitude towards medicine, philosophy, and ethics will be presented.

INTRODUCTION

Two hundred years ago (1807) Samuel Hahnemann coined the term “homeopathic” for his new method of rational therapeutics which he had recently suggested to his medical colleagues. By that, homeopathy became an entity on its own, distinguished from any other concept of medicine and defined by characteristic basic principles. In the sequel, the “new school” of medicine set out to make its impressive way through history up to the present day, benefitting and converting an ever increasing portion of doctors and patients of all continents and lots of countries all over the world. This spread around the globe, however, took place under most different regional and cultural conditions. Prompted by varied modes of reception, from the beginning an intricacy in principal was set up which never in the history of homeopathy could be resolved completely. Since the first big quarrel between Hahnemann and some of his adherents (Moritz Mueller, Traugott Kretzschmar and others) about the limits of the principle of similars in the 1830s, no clear and lasting consensus could be brought about by the homeopathic community as to what is really good or true (or the best kind of) homeopathy. Despite a general agreement on Hahnemann’s “Organon of medicine” as the supreme reference book of homeopathy, diversity of its interpretation by modern homeopaths is tremendously high. Although some basic quotations can be found with almost any author and teacher, since the days of Hahnemann the face of homeopathy had changed from generation to generation. Given the faster and faster succession of new approaches in the last decades, the latest state of the discussion about what should be considered homeopathy today cannot be checked any more in traditional textbooks but just in recently published articles or in the Internet, e.g. on the website “www.grundlagen-praxis.de”, under “debate on homeopathy”.

From a historical perspective, any change of paradigm within homeopathy occurred and occurs in close interaction with concurrent changes of social, scientific, and religious conditions. In a postmodern pluralistic civilization of the 21st century, e.g. it seems perfectly plausible to utilize concepts of quantum-physics or chaos-theory as models for an explanation of homeopathy, to apply computer-repertorization and video-supervision as tools for practice and education, and to resort to notions of psychoanalysis or secondary esoterics as means for understanding mysterious courses of disease. Thus, what any generation discovers and identifies as the essence of homeopathy tells more about the mentality and values of the respective era than about what Hahnemann had in mind when he projected homeopathy as a rational and charitable therapeutics. When in a time of propagated individualism anybody considers homeopathy to be just what he or she makes out of it and likes most of all, it may be worthwhile to draw again attention to what Hahnemann really wanted – in order not to lose contact with historical reality completely.

HAHNEMANN’S WORLD

The places where Hahnemann worked can all be determined geographically. From the time, however, in which he lived, we are separated not only by two centuries on a linear time-axis which commonly is imagined as a line of economic, social, scientific, and technological progress, but rather by “worlds”. In order to put oneself into Hahnemann’s position one is forced both to subtract from our present knowledge all the milestones and achievements of modern medicine and – what is more difficult – to go back before the establishment of our present-day system of so-called Western values.

Contrary to the materialism, atheism, and hedonism of modern Western fun and consumer societies, the leading ideas constituting Hahnemann’s world were oriented by a high spiritual and moral vocation of man. For Hahnemann the human was the noblest being and created to perfect his or her emotional, practical, and mental capabilities, and by doing so find bliss and give God the honor. By the end of the eighteenth century, phrases like this did not strikingly differ from the bulk of other cultivated contemporaries. Nevertheless, from Hahnemann’s biography it can be deduced that his emphasis on aspiration for higher things was not just an opportunistic lip service but rather a constant factor, determining his life and work, which he adhered with great earnest and consequence. This strong interest in a spiritual and moral life obviously took the first place in Hahnemann’s mind and soul. Hence, it must have been one of the most vital impulses for the founding and development of homeopathy. This innocent-seeming statement at once loses its anecdotal look and gains explosive relevance if one considers under what circumstances today people try to establish and justify homeopathy. In those days for an educated man it was still possible to outline a therapeutics (or even the new kind of science which was at the point of constituting itself) in a way that it was compatible with a good, moral, and fulfilled life. With such a claim, at the time of enlightenment, German idealism, and romanticism, one was in best philosophical company. The typical question of philosophers of nature, such as Schelling, was: How must nature, spirit, matter, the organic and inorganic, etc. be thought (constructed) in order to – on the one hand unravel the relation of these notions and on the other hand enable man to conceive oneself as a moral and spiritual being. The starting point was clearly and definitely the interest of mind and soul in an intelligible and moral world. The goal or the searched for was a theory of science or – in Hahnemann’s case – the founding of a rational therapeutics whose framework was defined by the mentioned irrevocable interests.

Today the proportion seems to be just the other way round. Irrevocably steadfast seem to be

- the definition of science which is dominating the medical faculties,
- the entanglement of medicine with the pharmaceutical industry,
- the sturdy structures of the medical profession and health insurances,
- the directions by the state towards lowering costs of health care etc.

This is the framework today. The searched for is a possibility to live – within that framework – a fairly moral and fulfilled life and to find a niche in the system where homeopathy is granted a right to exist to some extent. The question today seems to be: What do I have to do, how do I have to practice, what do I have to demonstrate – in order to be recognized or at least tolerated by the existing institutions? According to these socio-political circumstances, homeopaths e.g. strive to prove the efficacy of homeopathic remedies against placebo in compliance with pharmacological standards, to outline scientifically plausible hypotheses for the efficacy of ultramolecular dilutions, to document cost reduction under homeopathic treatment, to define the bounds of homeopathy to guard against forensic charges etc.

It seems that the struggle for adaptation to the establishment and the meeting with socio-political demands today has taken the same (high) status in the inner hierarchisation of values which formally was held by the urge of many educated men to create a well-ordered spiritual world. Today, any yearning for a cosy and easy to survey cosmos – if still existing with a few people – is of course expected to give way in case of conflict. Some examples from the development of Hahnemann’s homeopathy may illustrate this topic.

HAHNEMANN'S DOCTRINE

Today it seems to be clear that incurable diseases exist. Who ever is told to have got one has had bad luck and no chance any more. Hope for healing is useless, stupid and naive. Within present day's horizon this view seems to be obvious, evidence-based, and verified in practice. Hahnemann, however, at his time was still capable to argue theologically – that incurable diseases cannot exist! To maintain such an infidel statement, he said, would be blasphemy! With the same certainty that there is a wise and kind God there must also be a remedy for each disease! It lies only with the doctors to find it in each single case. So strong was Hahnemann's interest in a world in which he could realize himself as a moral and intelligent physician that he – as he put it – “rather would forswear all medical systems than allow this blasphemy to happen”. The radicalism with which Hahnemann clarified the feasibility in principle of a therapeutics before he engaged in further details points out the steep inner hierarchisation of his aspiring towards self-perfection within a sensible and moral task.

Even Hahnemann's semiotic approach to drug provings and case taking is based on the same argumentation. A modern scientifically educated physician may entirely admit that after application of a substance in a drug proving on a healthy person certain symptoms occur and that a given patient has similar symptoms. However, he will be overcharged when asked to understand that this is the reason why the substance is the healing remedy for the patient. Even homeopaths use to get in distress of argumentation at this point. They try to find scientific causal mechanisms as explanations or hypotheses or refer to empiricism or clinical studies which, however, usually do not satisfy the critics. Ultimately, also homeopaths are discontented with such an inconvenience of proof. On the one hand they are applying something practically what on the other hand they are unable to explain theoretically, neither to themselves nor to others.

Hahnemann, however, had other inner preferences. Higher than his drive to look for explanations of his daily experiences was his impetus to found a therapeutics in which it was possible to heal with (mathematical) certainty. After all, for him, this was the precondition of medical practice as a moral and spiritual being. Had he not clarified this issue before, he would rather had kept to forensic medicine, chemistry, or writing. At this critical point, again, Hahnemann argued theologically: Since from God's love and reason and consequence follows that a reliable therapeutics must exist, and since often neither causes of diseases nor active agents of drugs are discernible, this knowledge obviously is not necessary to cure diseases. From the mentioned premises rather ensues that it must be possible to cure patients exclusively by means of the perceptible, i.e. by the symptoms of patients and healthy provers. Hence, diseases have to reveal themselves to “those who can see” in the symptoms of the disease, while drug forces of proven substances have to do so in the symptoms of the proving. Accepting this logic, the principle of similars indeed appears to be the only possible rational and reliable principle of healing. For Hahnemann, his main problem was resolved by that, any further details were minor problems. Contrary to present-day's situation, he e.g. had no problem with the fact that the term “revelation” is incompatible with the terminology of modern scientifically oriented medicine.

Bringing to mind these examples, however, neither means that Hahnemann's homeopathy was nothing but a despairing construction by a quaint aesthete nor that today's scientific medicine is grasping anything like true reality. Both approaches, the homeopathic and the scientific, are projects of honorable physicians, both are motivated mainly by noble and charitable but partly also by self-interested intentions. Both are possible, as history shows, and both are equally real so far. None is absolutely wrong, none is absolutely right. Neither the one nor the other is favored and practiced by good or bad people only. The difference rather lies in a small distinction which indeed has gigantic consequences. It is a distinction in the hierarchisation of the motives which lead to the constitution of a specific healing system.

PHILOSOPHICAL PERSPECTIVES

At this point, at the latest, it becomes clear that comprehending homeopathy does not only imply medical and historical but also philosophical perspectives. Just on a philosophical level of reflection one can explore e.g. which model of life (or model of therapeutics) makes what sense and costs what price or which attitudes and aims are suitable to a good life etc. Basically, neither the nature of man nor the sense of life are neutral, independent quantities which could ever be found without one's own cooperation anywhere outside of the observer. Although or since we can never face ourselves objectively but rather are always standing amidst in our own concrete life, we have the freedom to change, by small self-enacted switch-shiftings, our whole life. Depending on how we put which ideas or ideologies in our hierarchical order – in that way we constitute ourselves, and this is then what we are.

In the realm of philosophy, however, opinions traditionally are divided. Yet, despite the dependence on time and site of spiritual movements, it seems that in all epochs roughly two main groups of humans can be identified: the more materialistic and the more idealistic ones. Accordingly, Plato spoke of the “*gigantomachia peri tes ousias*” (the huge fight about being) among those who wish to explain everything bottom-up or top-down respectively. And Fichte stated tersely: “What philosophy one chooses depends on what kind of human one is” – referring to the basic distinction between dogmatism and idealism. Hence, regarding the founder of a therapeutics, it appears to be as important to bear in mind his internal dimension as the external conditions under which he lived and struggled. Since a philosopher can be understood only when one understands his basic question, the key to a deep understanding of Hahnemann's homeopathy could be his top problem which can be reconstructed approximately like this: How is a therapeutics possible which on the one hand permits real cures and on the other hand enables the doctor to conceive himself as a moral and spiritual being?

Modern science-oriented medicine, however, comes from an almost opposite tradition. Since the 17th century, the predominating question of science and industry was: How can nature be commanded most certainly? Contrary to former eras, since the time of Francis Bacon, scientists and engineers tried to wrest nature its secrets with screws and clamps. The results gained by that, however, told more about the questioner than the questioned.

Hahnemann stood at a point of intersection of conflicting trends. On the one hand, he advocated – especially in his early days – a positivism of science which made him hope to elevate therapeutics from its status as a “conjectural art” into the rank of a reliable science. On the other hand, in his clear creed in religion – even if an enlightened natural religion – still lingers the traditional humbleness with regard to the (confined) possibility of human knowledge. In scholasticism it read: “*Credo, ut intelligam*” (I believe in order to detect, Anselm of Canterbury, 1033–1109). As it was pointed out, without his faith in a wise and charitable creator, neither Hahnemann's foundation of homeopathy nor its further development would have been accomplished. Frankly he admitted e.g. that he did not understand the surprisingly long effects of high potencies (30c). Although, wherever possible, he “dared to know” (*aude sapere*), the avowal of his ignorance was not the worst case

for him. Much worse would have been the impossibility in principle of a therapeutics in which he could practice successfully and at the same time experience and conceive himself as a moral and spiritual being.

HAHNEMANN'S VIEW OF MAN

As we see, homeopathy involves philosophical dimensions such as perennial questions about the meaning and end of our life or possible life projects. Hence, detached from the spiritual and mental background of its founder, only parts of his homeopathy can be grasped. Just the most important connecting links or the reconciling spiritual ties would be missing. A therapeutics e.g. which by artificial electromagnetic field modifies alleged electromagnetic fields of the patient, would not be homeopathy in the sense of Hahnemann, even if both fields would be similar!

Hahnemann's homeopathy was founded before the definite reification of man as a material, biochemical, molecular-biological, cybernetical, quantum-mechanical, or other reductionistic thing. This is the big difficulty when today homeopathy's integration in the scientific apparatus is intended. On the other hand, this is a big chance also to call to mind what was lost in medicine during the last two centuries. In Hahnemann's cosmos of ideas, the human still had an internal dimension which was not considered a mere epiphenomenon of neuronal currents in brain cells but an undecieved last instance to which people granted important privileges – e.g. when designing one's concept of life or a rational therapeutics. To Hahnemann rationality never meant anything like logical sterility but always the inclusion of the perspective of this inner source of human life. It would have struck him as being most irrational to consider man as entirely explicable by science.

The recognition of the inner dimension and vocation of man, which for Hahnemann was a matter of course, today indeed seems to be more difficult but not any less important. It is an act of freedom but not of arbitrariness. It should acknowledge just what is the case even without it or prior to it, i.e. it should remember a certain constitution of man, not establish it from the outset (like in constructivism). In this way, it could restore to man the wealth of his dimensions and capacities which were contested more and more by the triumphant advance of science. This needs not even to be understood as an act of pure kindness. Considering the potential dangerousness of a medicine exclusively based on modern science, manifesting itself in iatrogenic allergies, addictions, illnesses and deaths, a revision or widening of the strict scientific view of man today has also become an ecological task of the first order.

Забутый аспект теории Ганемана – отношения между медициной, философией и этикой. Джозеф Шмидт (Мюнхен, Германия)

В течение прошедших 200 лет чрезвычайно изменилась социальная, научная и религиозная структуры, на основе которых преподавали и практиковали гомеопатию ранее. Соответственно, были предприняты многочисленные усилия, чтобы установить и защитить современные формы гомеопатии. Чтобы не быть введенными в заблуждение преобладающим плюрализмом современных школ и тенденций, как стандарт для оценки новых понятий, представлены оригинальные идеи Ганемана и отношение к медицине, философии и этике.

Забутий аспект теорії Ганемана – відносини між медициною, філософією та етикою. Джозеф Шмідт (Мюнхен, Німеччина)

Протягом останніх 200 років дуже змінилася соціальна, наукова та релігійна структури, на основі яких раніше викладали та практикували гомеопатию. Відповідно, були зроблені численні зусилля щодо встановлення та захисту сучасних форм гомеопатії. Щоб не бути запамороченими переважаючим плюралізмом сучасних шкіл і тенденцій, як стандарт щодо оцінки нових понять, наведені оригінальні ідеї Ганемана та його ставлення до медицини, філософії та етики.

Информация об авторе. Приват-доцент Джозеф Шмидт живёт и работает в Германии (Мюнхен). Известный гомеопат и исследователь истории гомеопатической медицины, доктор Шмидт всегда радуется интересными исследованиями. Работает также и на кафедре истории медицины Лейпцигского Университета. E-mail: j.m.schmidt@lrz.uni-muenchen.de